

Загоскин Михаил Николаевич

Три жениха

Провинциальные очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Николаевич З.**
Три жениха: Провинциальные очерки / Загоскин Михаил Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 210 с.

ISBN 978-5-519-85453-5

ISBN 978-5-519-85453-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нулись въ длину сажень шестнадцать, не считая двухъ подъѣздовъ съ холодными сѣнями и небольшой пристройки, въ которой помѣщалась русская баня съ двумя предбанниками. Этотъ домъ занималъ всю глубину обширнаго двора, который съ двухъ сторонъ былъ застроенъ развалившимися службами, а съ третьей отдѣлялся отъ улицы почернѣвшимъ отъ времени рѣшетчатымъ заборомъ. Сзади, къ самому дому примыкалъ большой плодovitый садъ, поросшій высокою травою и почти непроходимый отъ безчисленнаго множества кустовъ колючаго крыжовника, барбариса и смородины. Разумѣется, эти хоромы не были ни окрашены, ни обшиты тесомъ, и на дощатой ихъ кровлѣ росла преспокойно мурава

шелковая и пробивались кой-гдѣ украдкою цвѣты лазоревые.

Однажды, вечеромъ, въ началѣ мая мѣсяца, который, не смотря на восторги нашихъ поэтовъ, почти всегда хуже апрѣля, погода стояла самая осенняя, дождь лилъ какъ изъ ведра, и хотя еще не было восьми часовъ, однако на дворѣ сдѣлалось такъ сумрачно, что въ одномъ изъ оконъ описанныхъ мною развалинъ замелькалъ огонекъ. Онъ свѣтился въ диванной, въ которой хозяйка, пожилая вдова, статская совѣтница Анна Степановна Служкина, сидѣла за ломбернымъ столомъ и раскладывала гранъ-пассіансъ; насупротивъ ея, расположась покойно въ широкихъ креслахъ и понюхивая табакъ изъ огромной серебряной табакерки, сидѣлъ человекъ лѣтъ шестидесяти, въ

коричневомъ долгополомъ кафтанѣ, съ бронзовой медалью въ петлицѣ и въ черныхъ плисовыхъ сапогахъ. Къ нимъ спиною, подлѣ раствореннаго окна, стояла миловидная дѣвушка лѣтъ семнадцати, въ простомъ бѣломъ платьѣ. Широкий поясъ со стальной пряжкой обхватывалъ гибкій станъ ея; свѣтлорусые волосы, завитые и убранные *à l'enfant*, рассыпались густыми кудрями по ея плечамъ, полнымъ и бѣлымъ, какъ пушистый снѣгъ въ первозимье. Попытаюсь, удастся ли мнѣ описать вамъ наружность хозяйки. Не совсѣмъ еще увядшее лице ея выказывало не болѣе сорока пяти лѣтъ. Большіе черные глаза, довольно правильныя черты, прекрасный цвѣтъ лица,—все это заставило бы подумать каждаго, что она была

нѣкогда очень хороша собою; но вотъ бѣда,—эти большіе черные глаза походили на красивые фонари безъ свѣчей, а румяное, ничего не выражающее лице ея было просто—

бѣло и красно,—

И точно херувимъ на вербѣ восковой!

Впрочемъ я ошибся, сказавъ, что лице ея ничего не выражало: нѣтъ, въ немъ замѣтно было безпрестанное усиліе казаться «горькой беззащитной вдовою», какое-то подленькое, притворное смиреніе, едва прикрывающее невѣжественную спѣсь и чванство провинціальной барыни пятого класса. Эта беззащитная вдова успѣла, по собственнымъ словамъ ея—при помощи Господа Бога и добрыхъ людей, укрѣпить за собою двѣ тысячи душъ покойнаго

своего супруга, выиграть три процесса, пустить по міру нѣсколькихъ сиротъ, разорить въ конецъ роднаго брата и выплакать себѣ шесть сотъ рублей пожизненнаго пенсіона.

Самый пошлый мадригалъ щеголя Демутье, столкнувшись нечаянно съ самой высокой, творческою мыслію великаго Пьютона или Гердера, не представилъ бы такой рѣзкой противоположности, какую представляло почти безобразное лицо пожилаго господина въ коричневомъ кафтанѣ съ румянымъ и правильнымъ лицомъ хозяйки: огромный носъ Николая Ивановича Холмина,—такъ звали этого гостя,—его изрытыя оспой багровыя щеки, его узкіе калмыцкіе глаза, крутой лобъ, покрытый морщинами, и въ то же

время умъ и веселость, которые блистали въ его маленькихъ сѣрыхъ глазахъ, улыбка по временамъ насмѣшливая, но всегда добродушная, пріятный звукъ голоса, и то, чему нѣтъ названія, — это неизъяснимое *что-то такое*, что плѣняетъ насъ съ перваго взгляда, — все это вмѣстѣ составляло одну изъ тѣхъ загадочныхъ фпзіономій, которыя нравятся, не спросясь у эстетикъ и вопреки всѣмъ условнымъ понятіямъ о' красотѣ и безобразіи человѣческомъ.

— Опять не вышло! сказала Анна Степановна, бросивъ съ досадою карты, которыя остались у нея на рукахъ:—а всё этотъ проклятый валетъ! Нейдетъ, какъ. нейдетъ!... Эй, дѣвка! Дашка!... поди сюди, подыми платокъ! Возьми, положи карты въ комодъ,

въ третій ящикъ!... Да что это, мать моя? Никакъ въ корсетъ? Смотри, пожалуй, ужъ и онъ стали затягиваться!.. Эй, мальчикъ! сними со свѣчи... Дуракъ! чуть не погасилъ!.. Варинька!

Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ вздрогнула, и обернулась торопливо къ своей мачихѣ.

— Ну что, мой другъ? продолжала Анна Степановна: дождикъ пересталъ?

— Пересталъ, маменька.

— Такъ на дворѣ прочистилось?

— Прочистилось, маменька.

Въ эту самую минуту проливной дождь загудѣлъ сильнѣе прежняго, и въ сосѣднемъ покоѣ вода, пробивъ оштукатуренный потолокъ, съ шумомъ полилась на полъ.

— Помилуй, матушка! вскричала Анна Степановна: дождь ливня льетъ, а ты говоришь... Да что ты, ослѣпла чтоль? Эй, мальчикъ! Андрюшка!.. Ну что стоишь? Ведро въ гостиную! Подставить тамъ, гдѣ протекло. Да вѣрно на чердакѣ нѣтъ ушатовъ? Вотъ я васъ, разбойники!... Тотъ вдовье дѣло! Обо всемъ изволь сама думать... Смотри, пожалуй, — прочистидось! дождь неидетъ! Да чегожь ты въ окно-то смотрѣла, сударыня?

Варинька вспыхнула и не отвѣчала ни слова, а гость, какъ будто бы не нарочно, повернулся и взглянулъ на окно, подлѣ котораго она стояла. Прямо черезъ улицу, въ небольшомъ домикѣ, мелькалъ огонекъ, и, хотя слабо, но вполне освѣщалъ гусарскій киверъ, небрежно кинутый на

овно. Николай Ивановичъ улыбнулся.

— Что это, Анна Степановна? сказалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ: никакъ противъ вашего дома военный постой?

— Да, Николай Ивановичъ. Вонъ въ томъ домикѣ дней пять тому назадъ отвели квартиру гусарскому офицеру... какъ бишь его? Дай Богъ память!.. Да! Тонскому.

— Александру Михайловичу? Отличный молодой человѣкъ!

— И, батюшка! да чтожъ въ немъ отличнаго? Конечно собой онъ молодецъ изрядный,—говорять, не пьетъ, въ карты не играетъ: да и то сказать, что ему, сердечному, проигрывать? Вѣдь, чай, за нимъ души нѣтъ христіанской: голъ, какъ соколъ; а какъ поглядишь иногда, такъ,

Господи Боже мой, весь облить золотомъ! Ну, право фунта три выжиги будетъ! А небойсь, дома перекусить нечего. Вотъ то-то и есть! Служилъ бы себѣ да служилъ въ пѣхотѣ. Такъ нѣтъ, всѣ въ гусары лѣзутъ!

— Онъ не такъ бѣденъ, какъ вы думаете. Его дядя, Александръ Алексѣевичъ Тонской, оставилъ ему небольшое, но прекрасно устроенное имѣніе.

— Право? А сколько душъ, батюшка?

— Конечно, немного. Душъ тридцать...

— Тридцать душъ! И ты, Николай Ивановичъ, называешь это имѣньемъ?

— Да онѣ даютъ безъ-малаго двѣ тысячи рублей въ годъ доходу.